

Эдвард Джордж
БУЛЬВЕР-ЛИТТОН

ЛИЦОМ К ЛИЦУ С ПРИЗРАКАМИ,
ИЛИ ДОМ И РАЗУМ

Один мой приятель, человек просвещенный и философ, как-то раз сказал мне полушутя-полусерьезно:

— Представь себе, я недавно обнаружил прямо посреди Лондона дом с привидениями.

— В самом деле? С настоящими привидениями?

— Этого я тебе не могу сказать, знаю только одно: шесть недель назад мы с женой искали себе жилище. Мы проходили по одной тихой улице и увидели в окне объявление: «Меблированные комнаты». Место нам понравилось, мы вошли в дом, осмотрели комнаты и остались довольны, сняли их на неделю... а на третий день выехали. Жена ни за что на свете не соглашалась там больше находиться, и это меня несколько не удивило.

— И что же ты там увидел?

— Прости, мне не хочется сделаться посмешищем, представ в роли суеверного фантазера, а с другой стороны, я не могу рассчитывать, что ты поверишь мне на слово, не будучи сам свидетелем тех событий, которые в пересказе покажутся тебе невероятными. Скажу одно: причиной нашего отъезда не было что-то увиденное или услышанное. В этом случае ты вполне мог бы предположить, что мы стали жертвами своего разгоряченного воображения или же какого-то трюка.

Нет, нас вынудил уехать невыразимый ужас, который мы испытывали всякий раз, когда проходили мимо двери одной пустой комнаты, хотя нам не случилось там что-нибудь увидеть или услышать. Удивительное дело: впервые в жизни я согласился со своей женой, а она у меня умом не блещет, и признал, после того как мы провели в этом доме три ночи, что четвертую нам не вынести. В результате я на четвертое утро вызвал женщину, которая нам прислуживала и вела хозяйство в доме, и сообщил ей, что квартира нас не совсем устраивает и мы уедем раньше срока. Она сухо сказала: «Я знаю почему. Вы пробыли дольше всех остальных жильцов, мало кто здесь оставался на вторую ночь, а на третью только вы одни. Это потому, думаю, что они были очень добры к вам». «Кто это — они?» — спросил я, пытаясь изобразить улыбку. «Как же — духи, кем бы они там ни были. Я против них ничего не имею. Мне они знакомы с тех давних времен, когда я еще не была здесь служанкой. Знаю, что они когда-нибудь сведут меня в могилу. Ну и ладно, я уже немолода, все равно скоро умирать. Я и тогда отсюда никуда не денусь — останусь здесь, вместе с ними». В голосе женщины слышалось спокойствие отчаяния. Своего рода благоговейный страх заставил меня прекратить расспросы. Я заплатил за неделю, и мы с женой были рады, что дешево отделались.

— Это очень любопытно, — сказал я. — Ничего я так не желаю, как провести ночь в доме с привидениями. Будь любезен, дай мне адрес того дома, откуда ты так постыдно бежал.

Приятель дал мне адрес, мы расстались, и я напрямиком направился туда.

Дом располагался на север от Оксфорд-стрит, в мрачноватом, но респектабельном переулке. Оказалось,

что дом закрыт: в окне не было объявления, на мой стук никто не ответил. Я уже собирался уйти, и тут ко мне обратился слуга из соседней пивной, собиравший поблизости пивные кружки:

— Вам нужно в дом, сэръ?

— Да, я слышал, что он сдается.

— Сдается? Здешняя экономка уже три недели как умерла, и теперь мистер Дж*** что только ни сулил, но никто не согласился здесь жить. Моя матушка у него в поденщицах, так он ей давал фунт в неделю, только чтобы там проветривать, и то она не согласилась.

— Не согласилась? А почему?

— В доме водятся духи, а старую экономку нашли в постели мертвой, с широко раскрытыми глазами. Поговаривают, что ее придушил дьявол.

— Ну и ну! А кто этот мистер Дж***? Хозяин дома?

— Да.

— Где он живет?

— На Г***-стрит. Номер ***.

— Кто он? Чем занимается?

— Ничем особенным, сэръ. Он просто одинокий джентльмен.

Я протянул своему словоохотливому информатору заслуженную им мзду и отправился к мистеру Дж*** на Г***-стрит, находившуюся по соседству с переулком, красу и гордость которого составлял дом с привидениями. Мне повезло: я застал мистера Дж*** дома. Это оказался пожилой человек с умным лицом и располагающими манерами.

Я откровенно поведал, кто я и каковы мои намерения. Я заявил, что наслышан о дурной репутации принадлежавшего ему дома, что мне очень хотелось бы

выяснить, в чем тут дело, и буду весьма признателен, если он сдаст мне этот дом хотя бы на одну ночь. Я заплачу: пусть назовет любую цену.

— Сэр, — отозвался мистер Дж*** очень любезно, — дом в вашем распоряжении, живите там, сколько вам заблагорассудится. О плате не может быть и речи, напротив, вы очень меня обяжете, если проясните причину тех странных феноменов, которые сводят к нулю всю ценность дома. Я не могу сдать его внаем — мне даже не найти слугу, чтобы убирать комнаты и впускать посетителей. К несчастью, в доме куролесят привидения, если можно так сказать, и не только ночью, но и днем. Правда, ночью беспокойства, и даже иногда неприятностей, от них больше. Ту бедную старую женщину, которая умерла три недели тому назад, я взял из работного дома. Кто-то из моей семьи знал ее еще ребенком. Некогда она была так состоятельна, что снимала этот дом у моего дяди. Это была женщина большого ума и превосходного воспитания. Она единственная согласилась там жить. После ее внезапной смерти и дальнейшего дознания, о чем стало известно соседям, я отчаялся найти кого-либо на ее место, а тем более вселить жильца, поэтому охотно предоставил бы этот дом бесплатно на год любому, кто согласился бы платить за него налоги.

— С каких пор о доме идет дурная слава?

— Не могу сказать точно, но очень давно. Та старая женщина, которую я только что упоминал, рассказывала, что тридцать или сорок лет назад, когда она снимала этот дом, привидения уже там были. Я почти всю жизнь провел в Индии, на гражданской службе в Ост-Индской компании. В Англию я вернулся в прошлом году, когда получил наследство от дяди, среди прочего и этот дом. Он был закрыт и необитаем. Мне сказали, что там водятся привидения и никто не хочет в нем

жить. Эта, как я тогда решил, пустая болтовня позабавила меня. Я затратил известную сумму, чтобы заново покрасить дом и починить крышу, пополнил старомодную обстановку, прикупив немного современной мебели, наклеил объявление и нашел жильца на год. Это был полковник в отставке. Он въехал туда с семьей — сыном и дочерью — и с четырьмя или пятью слугами, а на следующий день там никого не осталось. Рассказывали они самое разное, но напуганы все были одинаково. По совести, я не мог не только обвинить, но даже упрекнуть полковника в нарушении договора. Тогда я поселил там упомянутую старую женщину и поручил ей сдавать квартиры. Ни один жилец не продержался дольше трех дней. Не буду пересказывать их истории: все они отличаются одна от другой. Лучше вам судить самому, чем оказаться под чужим влиянием; просто будьте готовы кое-что увидеть или услышать и примите меры предосторожности.

— А вам не любопытно было самому хоть раз провести ночь в этом доме?

— Было дело. Я провел там не ночь, а три часа среди бела дня в одиночестве. Мое любопытство не было удовлетворено, но больше оно меня не донимает. У меня нет ни малейшего желания повторить эксперимент. Вы не можете пожаловаться, сэр, что я был с вами недостаточно откровенен. Говоря по чести, я не советую вам ночевать в этом доме, разве что у вас необычайно крепкие нервы или же вы испытываете к загадочным явлениям непреодолимый интерес.

— Мой интерес действительно непреодолим, — сказал я, — и могу утверждать, что хотя только трус станет хвастаться своей храбростью, когда речь идет о непредсказуемой ситуации, но мои нервы закалены в самых многообразных испытаниях и я имею все основания полагаться на них даже при встрече с привидениями.

Мистер Дж***, ограничившись двумя-тремя словами, вынул из бюро ключи и вручил их мне. Я сердечно поблагодарил его за откровенность и за любезность и удалился со своим трофеем.

Мне не терпелось приступить к эксперименту. Вернувшись домой, я сразу вызвал моего доверенного слугу, веселого и бесстрашного малого. Я не знаю второго человека, менее склонного к суевериям, чем он.

— Ф***, — обратился я к нему, — помнишь, как однажды в Германии, в старом замке, мы подстерегали безголовый призрак, о котором нам рассказывали, и как были разочарованы, так и не встретив его? Так вот, я слышал об одном доме в Лондоне, где — у меня есть основания надеяться на это — водятся привидения. Я собираюсь провести там ближайшую ночь. Судя по тому, что мне говорили, мне там предстоит нечто увидеть или услышать, и это нечто может оказаться действительно жутким. Не взять ли и тебя с собой? Могу ли я рассчитывать на твое присутствие духа, что бы ни случилось?

— О сэр, положитесь на меня, — радостно отвечал Ф***, улыбаясь до ушей.

— Очень хорошо, тогда вот тебе ключи от дома, а вот и адрес. Отправляйся туда теперь же и выбери для меня любую спальню по своему вкусу. Дом стоял пустой уже не одну неделю, поэтому затопи пожарче камин, хорошенько проветри постель, запаси вдоволь свечей и топлива для камина. Возьми мой револьвер и кинжал, сам тоже вооружись получше, и — неужели же паре англичан не под силу одолеть дюжину духов?

Остаток дня мне пришлось посвятить таким неотложным хлопотам, что я не имел времени подумать о будущем ночном приключении, участие в котором считал для себя делом чести. Я пообедал очень поздно, в одиночестве, и, по своему обыкновению, за обе-

дом читал. Я выбрал на этот раз одно из эссе Маколея. Мне пришло в голову, что стоит взять эту книгу с собой: в ней содержалось столько здравого смысла и речь шла о предметах столь практических, что она могла послужить противовесом суеверному воображению.

Итак, около половины десятого я сунул книгу в карман и не спеша направился в сторону таинственного дома. Я взял с собой любимого пса — исключительно смелого и чуткого бультерьера, из тех, которые по ночам вынюхивают крыс в самых мрачных и заброшенных углах: с такой собакой только и ходить на духа.

Стояло лето, но ночь была прохладная; небо пасмурное, затянутое облаками. Луна, однако, виднелась: бледный, немощный лунный свет, но все же лучше, чем ничего, и можно было надеяться, что к полуночи, если не сгустятся облака, он станет ярче.

Я подошел к дому, постучал, и мой слуга открыл дверь с веселой улыбкой.

— Все в полном порядке, сэр.

— О! — Я был слегка разочарован. — И ничего необычного ты не заметил?

— Как же, сэр, надо признаться, кое-что мне слышалось.

— Что слышалось?

— Топот за спиной и пару раз тихий звук вроде шепота у самого уха — только и всего!

— И ты ничуть не испугался?

— Я-то? Ничуточки, сэр. — Его неустрашимый вид убедил меня в одном: что бы ни случилось, мой спутник меня не покинет.

Мы находились в холле, входная дверь была заперта, и тут я обратил внимание на своего пса. Сперва он вбежал внутрь стремительно и нетерпеливо, а теперь жался к двери, скребся и скулил, прося, чтобы его выпустили. Я погладил его, что-то приговаривая

ободряющим тоном. Пес, казалось, смирился и пошел за мной и Ф***, но при этом жался к нашим ногам и не рвался, как обычно в незнакомом месте, вперед на разведку. Сначала мы обошли все снизу: кухню, другие подсобные помещения и в особенности погреб, где нашли затянутую паутиной корзинку, а в ней две или три забытых бутылки вина, к которым, судя по всему, уже много лет никто не прикасался. Было ясно, что призраки спиртным не злоупотребляют. Больше ничего заслуживавшего внимания мы не обнаружили. За домом находился унылый мощный дворик, окруженный высокими стенами. Там было сыро, и наши следы отпечатывались на влажных и пыльных камнях. И тут я впервые заметил нечто странное. Передо мной внезапно начал вырисовываться чей-то след. Я остановился и потянул слугу за рукав. За первым следом так же внезапно появился другой. Мы оба видели его. Я поспешил туда. Передо мной продолжали возникать отпечатки маленьких ног — ног ребенка. Они были нечеткими, но нам показалось, что это след босой ноги. Следы исчезли, когда мы достигли противоположной стены, и на обратном пути их не было. Мы вновь поднялись по лестнице и вошли в комнаты верхнего этажа — столовую, небольшую заднюю комнатку и третью, совсем маленькую, — видимо, это была лакейская. Тишина стояла как в могиле. Затем мы обошли гостиные. Как мне показалось, они были недавно заново отделаны. Я уселся в кресло в передней гостиной, Ф*** поставил на стол канделябр с зажженными свечами, которым освещал дорогу. Я велел ему закрыть дверь. Когда он отвернулся, стул, стоявший у противоположной стены, быстро и бесшумно задвигался, начал приближаться и застыл примерно в ярде от меня, как раз напротив моего кресла.

— Э, да это будет почище, чем вертящиеся столы, — заметил я с усмешкой. Мой пес попятился и завыл.

Вернувшийся Ф*** не заметил, что стул поменял положение. Он принялся успокаивать собаку. Я пристально смотрел на стул, и мне показалось, что там появилось туманное бледно-голубое очертание человеческой фигуры, но такое расплывчатое, что я не доверял собственным глазам. Пес тем временем успокоился.

— Возьми стул напротив меня, — велел я, — и поставь его назад к стене.

Ф*** повиновался.

— Это вы, сэръ? — спросил он, внезапно обернувшись.

— Ты о чем?

— Меня что-то ударило. Сюда — в плечо.

— Нет. Но кто-то здесь над нами потешается, это точно. Не знаю, как они проделывают свои трюки, но мы должны их поймать, прежде чем им удастся напугать нас!

Мы недолго пробыли в гостиной. Там было так сыро и холодно, что я предпочел подняться в верхний этаж, к камину. Мы заперли за собой двери. Надо сказать, что к этой мере предосторожности я прибегал всякий раз, когда мы завершали осмотр очередного помещения. Спальня, которую выбрал для меня слуга, была лучшая во всем этаже — большая, с двумя окнами, выходящими на улицу. Обширная кровать с пологом помещалась напротив камина, в котором пылал яркий огонь. Налево, между кроватью и окном, была дверь комнаты, где расположился мой слуга. Он постелил себе там на диване. Это была маленькая комнатуха с одной дверью. Выйти оттуда на лестничную площадку можно было через мою спальню. По ту сторону камина в моей комнате стоял встроенный шкаф, без запоров, оклеенный теми же тускло-коричневыми обоями, что и стены. Мы осмотрели его и ничего

не нашли, кроме крючков для одежды. Простучали все стены и полостей не обнаружили. Это были толстые капитальные стены. После осмотра комнат мы немного обогрелись, я зажег сигару, и затем мы продолжили рекогносцировку. На лестничную площадку выходила еще одна дверь. Она была плотно закрыта.

— Сэр, — проговорил слуга в недоумении, — я отпер эту дверь вместе со всеми остальными, сразу как пришел сюда, изнутри ее запереть нельзя, потому что...

Не успел он закончить, как дверь тихо отворилась сама собой, хотя никто из нас к ней не прикасался. Мы быстро обменялись взглядами. Одна и та же мысль пришла в голову нам обоим: без человеческого вмешательства здесь не обошлось. Я первый ворвался в комнату, слуга — за мной. Комнатушка была мрачная и пустая, только в углу валялось несколько пустых коробок и корзин. Окно маленькое, ставни закрыты, нет даже камина, дверь только одна — та, через которую мы вбежали; голый, без ковров, пол, на вид очень ветхий, неровный, изъеденный жучком; местами на нем виднелись заплатки из более светлого дерева. И ни одного живого существа, даже ни одного местечка, где живое существо могло бы спрятаться. Пока мы осматривались, дверь комнаты так же тихо захлопнулась, как перед тем открылась, и мы оказались в плену.

Тут я впервые почувствовал, как у меня от неизъяснимого ужаса по телу побежали мурашки. Слуга, напротив, ничуть не смутился:

— Не думают же они, сэр, что заманили нас в ловушку: эту дверь мне вышибить — раз плюнуть.

— Сначала попробуй ее просто отворить, — бросил я, отгоняя свои смутные опасения, — а я пока распахну ставни и посмотрю, что там снаружи.

Я отодвинул засов. Окно выходило на задний двор, который я уже описал. Выступов снаружи не было,

только отвесная стена. Никакой опоры для ног. Тому, кто попытался бы вылезти из окна, была одна дорога — вниз, на камни.

Тем временем Ф*** безуспешно пытался открыть дверь. Затем он обернулся ко мне и попросил разрешения применить силу. Тут я должен признать, к его чести, что он не выказал ни малейших признаков суеверного страха. Его энергия, самообладание, даже веселость в чрезвычайных обстоятельствах восхищали меня. Оставалось поздравить себя с тем, как удачно я выбрал себе компаньона. Долго просить ему не пришлось. Но вся его сила — а он был редкостный здоровяк — оказалась так же бесполезна, как и предыдущие, более деликатные попытки. Дверь стояла как каменная и даже не дрогнула под мощными ударами ноги. Запыхавшись, он прекратил это бесполезное занятие. Я тоже сделал попытку и тоже не преуспел.

Я снова ощутил приступ страха, на этот раз более интенсивный и длительный. Мне почудилось, что из щелей пола исходят странные жуткие испарения и пропитывают атмосферу комнаты какими-то ядовитыми, опасными для жизни субстанциями. И тут дверь очень медленно и тихо раскрылась сама, без постороннего вмешательства. Мы стремглав выбежали на лестничную площадку. Там нас встретило большое, бледно светившееся пятно размером с человека, но бесформенное и нематериальное. Оно перемещалось вверх по лестнице, к чердаку. Я последовал за ним, а мой слуга — за мной. Пятно втянулось в открытую дверцу чердачного помещения, справа от лестницы. Я отстал на какой-то миг. Пятно опало, сжалось в крошечный шарик, очень яркий и блестящий; на мгновение застыло на кровати в углу, задрожало и погасло. Мы приблизились к кровати и осмотрели ее. Она была узкая, как

обычно в чердачных комнатах для слуг. Рядом, на комод, валялся шелковый платок, старый и выцветший. В нем торчала иголка, которой кто-то начал штопать дыру и довел работу только до половины. На платке лежал слой пыли. Вероятно, и платок, и спальня принадлежали недавно умершей женщине. Я не удержался и из любопытства открыл комод. Там хранились какие-то предметы женского туалета и два письма, связанные выцветшей ленточкой. Я не стал церемониться и взял эти письма с собой. Ничего другого, достойного внимания, не обнаружилось. Светящееся пятно тоже больше не появлялось. Но когда мы повернулись к двери, собираясь уходить, впереди послышался частый стук шагов. Мы обошли остальные чердачные помещения (всего четыре) — топот перед нами не умолкал. Увидеть мы ничего не увидели — только слышали шаги. Я держал письма в руке. Когда я спускался по лестнице, то отчетливо ощутил, как кто-то схватил меня за запястье и сделал слабую попытку вырвать письма. Я сжал их крепче, и невидимка отступил.

Мы вернулись в мою спальню, и только тут я обратил внимание, что пес нас не сопровождал. Он подобрался поближе к огню и дрожал мелкой дрожью. Мне не терпелось прочитать письма. Слуга тем временем открыл шкатулку с оружием, которое я велел ему принести, вынул его, положил на столик у изголовья и принялся успокаивать собаку, что, однако, оказалось трудной задачей.

Письма не отличались пространностью; на них были поставлены даты — ровно тридцать пять лет назад. Я решил, что это писал мужчина своей возлюбленной или муж своей молодой жене. Автор был моряк; об этом свидетельствовали не только встречавшиеся в тексте характерные словечки, но и упоминание какого-то морского путешествия. Правописание и почерк явно

указывали на человека малообразованного, но язык был выразителен. В письме попадались ласковые слова, говорившие о безыскусной и страстной любви, но встречались и какие-то темные намеки — не на любовную тайну, а скорее на преступную. «Мы должны любить друг друга, — говорилось, мне помнится, в одном месте, — ведь как возненавидели бы нас окружающие, если бы все узнали». И еще: «Не засыпай никогда, если в комнате кто-то есть: ты разговариваешь во сне». И снова: «Что сделано, того не воротишь; нам нечего бояться, разве только восстанут мертвые, дабы обличить нас!» Здесь была приписка, сделанная более аккуратным (женским) почерком: «И они восстали!» В конце последнего письма имелась запись, сделанная тем же женским почерком: «Сгинул в пучине 4 июня, в тот самый день, когда...»

Я отложил письма и погрузился в размышления.

Однако, опасаясь утратить из-за этих мыслей душевное равновесие, я решил морально подготовить себя к чудесам, которые, возможно, сулила нам предстоящая ночь. Я встряхнулся, положил письма на столик, помешал угли (камин горел по-прежнему ярко) и открыл томик Маколея. До половины двенадцатого я спокойно читал, потом не раздеваясь лег в постель и сказал слуге, что он может уйти к себе, но пусть не засыпает. Дверь его комнаты должна была оставаться открытой. Уединившись, я пристроил две зажженные свечи на столик у изголовья, положил часы рядом с оружием и снова спокойно принялся за своего Маколея. Напротив ярко пылал огонь в камине; пес, казалось, заснул на каминном коврике. Минут через двадцать я ощутил на щеке очень холодное дуновение, похожее на сквозняк. Я решил, что открылась дверь справа, которая выходила на лестничную площадку, но нет — она была закрыта. Тогда я перевел взгляд влево

и увидел, что пламя свечей бешено заколыхалось, как при порыве ветра. В то же мгновение мои карманные часы, лежавшие на столике рядом с револьвером, тихонько заскользили к краю стола — плавно, осторожно, без видимых причин, — скользнули и исчезли. Я вскочил, схватил револьвер в одну руку, кинжал — в другую, чтобы оружие не разделило участь часов. Вооружившись таким образом, я стал искать на полу — часов как не бывало. У изголовья кровати слышались три громких, размеренных удара. Слуга крикнул:

— Это вы, сэр?

— Нет, будь настороже.

Пес тем временем зашевелился и сел, быстро подергивая ушами. Он смотрел так пристально и странно, что я не мог оторвать от него глаз. Он медленно поднялся, шерсть его встала дыбом. Застыв как вкопанный, он сверлил меня тем же диким взглядом. Но у меня не было времени наблюдать за собакой, потому что в спальню вбежал слуга, и, если такое вообще возможно, в его лице я увидел само воплощение ужаса. Встретив слугу на улице, я бы его не узнал, так искажены были все его черты. Он промчался мимо, пробормотав на ходу еле слышно, не своим голосом: «Бегите, бегите же — оно сзади!» Он подлетел к двери, рывком открыл ее и выбежал на лестничную площадку. Я невольно последовал за ним, позвал его, но он, не обращая на меня внимания, ринулся вниз по лестнице, цепляясь за перила и перепрыгивая через ступени. На лестничной площадке я слышал, как открылась и снова захлопнулась входная дверь. Я оказался один в этом населенном привидениями доме.

Я недолго оставался в нерешительности, размышляя, не последовать ли мне за слугой. Как гордость, так и любопытство не дали мне пуститься в позорное бегство. Я вернулся в спальню, закрыл за собой дверь

и осторожно вошел в соседнюю комнату. Ничего такого, что могло бы напугать слугу, там не обнаружилось. Я снова тщательно проверил все стены в поисках потайной двери, но не нашел даже шва в тускло-коричневых обоях. Каким же образом Оно — не знаю, как иначе назвать то, что его так напугало, — проникло в комнату? Не через спальню же?

Я возвратился к себе, запер дверь в комнату слуги и встал перед камином, приготовившись к встрече с неведомым. Я обратил внимание, что пес плотно забился в угол, буквально вжимаясь в стену. Я подошел к нему и заговорил. Бедное животное, без сомнения, было смертельно напугано. Он оскалился, с морды капала пена. Попробуйся я его погладить — и он укусил бы меня. Судя по всему, он меня не узнавал. Если вы видели в Зоологическом саду кролика, зачарованного удавом, то можете себе вообразить зрелище этих собачьих мук. Убедившись, что бесполезно даже пытаться успокоить пса, и опасаясь, что его укус сейчас, когда он близок к бешенству, может быть небезопасен, я оставил его в покое, положил свое оружие на столик у камина, уселся в кресло и снова принялся за Маколея.

Надеюсь, мне позволено будет вернуть здесь несколько замечаний касательно своей собственной особы. Иначе как бы читатель не заподозрил, что я желаю, преувеличив свои заслуги, снискать себе лавры особо неустрашимого или, вернее, хладнокровного человека.

Поскольку присутствие духа или, иными словами, мужество, как я считаю, прямо пропорционально степени знакомства человека с теми обстоятельствами, в которых его надлежит проявить, я должен сказать, что мне давно уже хорошо известны все эксперименты, относящиеся к области чудесного. Я был свидетелем

многих весьма необычных феноменов в различных уголках земли — таких феноменов, что, расскажи я о них, кто-то отказался бы мне верить, а кто-то приписал бы их действию сверхъестественных сил. Моя же теория состоит в том, что сверхъестественного не существует, а то, что называют сверхъестественным, — это явления, подчиняющиеся не познанным нами пока законам природы. Таким образом, если передо мной предстанет призрак, то это не дает мне права сказать: «Значит, сверхъестественное возможно»; напротив, я скажу: «Значит, явление призраков, в противоположность общепринятому мнению, не противоречит законам природы — и, соответственно, не есть нечто сверхъестественное».

Так вот, во всех случаях, которым я был свидетелем, во всех чудесных происшествиях, о которых современные любители таинственного говорят как о фактах, без участия живого материального агента не обошлось. На континенте до сих пор встречаются чародеи, которые утверждают, что могут вызывать духов. Если на мгновение предположить, что их утверждения соответствуют истине, то и в этом случае присутствует живая материальная форма: сам чародей. Через посредство этого материального агента, при помощи особых свойств его организма, и представляются нашим органам восприятия упомянутые странные феномены.

Если, опять же, верить рассказам о спиритических опытах в Америке, а именно о непонятных музыкальных или других звуках, о надписях, сделанных незримой рукой, о перемещении мебели без видимого человеческого участия, о таинственных руках, лишенных тел, но способных прикасаться к присутствующим, — то и в этом случае всегда имеется медиум, то есть живое человеческое существо, которое обладает некоторыми

особенностями организма и способно воспринимать эти знаки. Короче говоря, при всех этих таинственных проявлениях — даже если предположить, что мы не имеем дело с трюками, — должно присутствовать существо, такое же, как мы с вами, которое и производит (или посредством которого и возникают) эффекты, доступные человеческому восприятию. Таким же образом обстоят дела и с известными феноменами месмеризма или электробиологии: на личность, подвергающуюся воздействию, влияет живой материальный агент. Если предположить, что пациент действительно реагирует на волевое воздействие или пассы гипнотизера, находясь на расстоянии в сотни миль от последнего, то и здесь существует материальный посредник; возможно, физический эффект в данном случае трансформирует через пространство некий материальный флюид — назовите его электрическим или одическим, как вам угодно, — который способен распространяться на большие расстояния и преодолевать преграды. Следовательно, все, что я до сих пор наблюдал — или чему надеялся стать свидетелем — в этом странном доме, было, как мне представлялось, обязано своим появлением такому же смертному, как я сам, пусть даже и медиуму. И эта мысль отгоняла суеверный страх, который настиг бы, конечно, в ту памятную ночь человека, готового видеть сверхъестественное во всем, что отклоняется от привычного порядка вещей.

Приписав все, что здесь представлялось или представится моему восприятию, проискав некоего человеческого существа, наделенного природным даром производить такие феномены и каким-то образом заинтересованного в них, я, соответственно, испытывал ко всему происходившему некий теоретический интерес, скорее философский, нежели суеверный. И могу

сказать откровенно, что пребывал в таком же спокойном расположении духа, как ученый-экспериментатор, изучающий свойства какого-то редкого и, возможно, опасного химического соединения. Разумеется, чем больше я подавлял свою фантазию, тем более располагал к наблюдению ум, и поэтому я сосредоточил зрение и мысли на страницах Маколея, отличающегося сугубой прозаичностью и здравомыслием.

Тут я заметил, что между книгой и источником света появилось нечто, отбросившее на страницу тень. Я поднял глаза. То, что я увидел, описать очень трудно, а скорее, и вовсе невозможно.

Это была Тьма, сгусток темноты в воздухе, очень неопределенных очертаний. Не могу сказать, что это была человеческая фигура, но более всего другого это напоминало именно человеческую фигуру или, скорее, ее тень. Она стояла, явственно отличаясь от окружавшего ее воздуха и света; ее размеры казались гигантскими: верх почти касался потолка. Я ощутил резкий холод — более интенсивный и осязаемый, чем холод, исходящий, вероятно, от айсберга. Было ясно, что он порожден не страхом. Я продолжал смотреть, и мне показалось, что я различаю два глаза, глядящие на меня с высоты. Они то виднелись ясно, то меркли, но из них (реальных или мнимых) струились, прорезая мрак, два бледно-голубых луча.

Я попытался заговорить, но язык отказался мне повиноваться; я только думал: «Разве это страх? Нет, это не страх». Я попытался встать, но безуспешно. Казалось, какая-то непреодолимая сила приковала меня к месту. Да, впечатление было такое, словно какая-то огромная, подавляющая власть противостояла моей воле. То чувство полного бессилия перед нечеловеческой мощью, которое претерпевает при буре на море, при пожаре, при столкновении с диким зверем или, скорее, с акулой в океане наша *физическая оболочка*,

я испытал в *душе*. Моей воле была противопоставлена другая воля, столь же превосходящая по силе мою, сколь шторм, огонь или акула превосходят человека по физическим возможностям.

Это ощущение росло и сменилось наконец ужасом, который невозможно описать словами. Но во мне все еще сохранялась гордость, если не мужество, и я твердил себе: «Это невольный испуг, а не сознательный страх; если я не боюсь, то ничто не может причинить мне вред; мой разум все это отвергает, это иллюзия. Я не боюсь». Нечеловеческим усилием я сумел наконец протянуть руку к оружию, лежащему на столе. При этом я ощутил странный толчок в плечо, и моя рука повисла как плеть. К моему вящему ужасу, пламя свечей начало медленно бледнеть. Они не погасли, но, казалось, свет от них стал постепенно убывать. То же происходило и с огнем в камине: он мерк на глазах. Через несколько минут комната погрузилась в полную темноту. Я очутился во мраке, один на один с этим непонятным Существом, силу которого так весомо ощутил. Охватившему меня страху неизбежно предстояло разрешиться нервной реакцией. Ужас достиг такого предела, что я должен был либо потерять сознание, либо вырваться из заколдованного круга. И мне это удалось. Я сделал усилие и снова обрел голос. Правда, он больше походил на вопль. Помню, я прокричал что-то вроде: «Я не боюсь, меня не запугать!» В тот же миг я нашел в себе силы встать. В комнате по-прежнему царил сумрак. Я бросился к одному из окон, отдернул занавески, распахнул шторы. Моей первой мыслью было: «Свет!» И когда я увидел в вышине луну, ясную и спокойную, я ощутил радость, которая едва ли не вознаградила меня за перенесенный ужас. Сияла луна, светили и газовые фонари на пустынной сонной улице. Я обернулся. Луна лишь слегка рассеяла темноту

в комнате, но все же стало светлее. Непонятное Существо, кем бы оно ни было, исчезло или почти исчезло: я разглядел только смутную тень на противоположной стене, казавшуюся тенью той тени.

Я перевел взгляд на стол. Снизу, из-под него (а он был без скатерти или салфетки — старый круглый стол из красного дерева), протянулась человеческая рука, видимая до запястья. На вид она была из такой же плоти и крови, как и моя собственная, только принадлежала старому человеку: худая, сморщенная, маленькая — женская рука. Рука осторожно накрыла два письма, которые лежали на столе, и вместе с ними исчезла. Вновь раздались три громких размеренных удара. Такой же стук я слышал у изголовья кровати перед началом этого удивительного представления.

Когда звуки затихли, я почувствовал, что вся комната ощутимо завибрировала. В ее дальнем конце стали взлетать разноцветные искры или светящиеся шарики — я бы сказал, пузырьки света: зеленые, желтые, огненно-красные, лазурные. Вверх-вниз, взад-вперед, туда-сюда, как блуждающие огоньки... Искры эти перемещались как придется: иные медленно, иные быстро. Стул, стоявший у стены, как в гостиной внизу, вдруг самопроизвольно задвигался и очутился у противоположной стороны стола. Внезапно, будто поднявшись со стула, возникла фигура женщины. Она была реальна, как жизнь, и ужасна, как смерть. Юное лицо отличалось странной мрачной красотой; шея и плечи были обнажены, остальное скрыто просторным белым одеянием. Она начала приглаживать свои длинные, падавшие на плечи золотистые волосы. Глядела она не на меня, а в сторону двери, казалось, всматриваясь, вслушиваясь, чего-то ожидая. Та тень тени, которую я видел в дальнем конце комнаты, сгустилась. Мне снова показалось, что я различаю наверху горящие глаза, устремленные на женщину.

СОДЕРЖАНИЕ

Эдвард Джордж Бульвер-Литтон

Лицом к лицу с призраками, или Дом и разум

Перевод Л. Бриловой 5

Джозеф Шеридан Ле Фаню

Мертвый причетник

Перевод Е. Токаревой 55

Фиц-Джеймс О'Брайен

Потерянная комната

Перевод Л. Бриловой 79

Э. и Х. Херон

История поместья Бэлброу

Перевод А. Бродоцкой 100

История Сэддлерз-Крофта

Перевод Л. Бриловой 117

Джордж Бернард Шоу

Чудесная месть

Перевод А. Старцева 134

Джон Кендрик Бангз

Кухарка-призрак из Банглтопа

Перевод Л. Бриловой 162

Проказа теософов

Перевод Л. Бриловой 199

Монтегю Родс Джеймс

Номер 13

Перевод Н. Роговской 207

Граф Магнус

Перевод В. Харитонова 228

Гай Ньюэлл Бусби

Загадочный золотой прииск

Перевод В. Прянишникова 244

Профессор египтологии

Перевод Л. Бриловой 252

Эдвард Фредерик Бенсон

Корстофайн

Перевод Л. Бриловой 275

Храм

Перевод А. Литинской 291

Джон Дэвис Бересфорд

Ночь творения

Перевод Л. Бриловой 312

Хью Уолпол

Маленькое привидение

Перевод М. Куренной 366

Миссис Лант

Перевод М. Куренной 386

Комментарии. *С. Антонов* 408